

ДОПОЛНЕНИЕ К ЖАЛОБЕ –

РАЗВЕРНУТОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ СОБСТВЕННЫХ АРГУМЕНТОВ, ПОДАВАЕМОЕ В СООТВЕТСТВИИ С ПУНКТОМ 2(б) СТАТЬИ 47 РЕГЛАМЕНТА СУДА

1. Нарушение § 1 статьи 5 Конвенции во взаимосвязи со статьями 3, 17 Конвенции

При помещении Бохонова под стражу сторона обвинения, злоупотребляя правом и должностными полномочиями, сфальсифицировала доказательства о наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, допустив произвол и преследуя откровенно преступные цели незаконного лишения Бохонова свободы и личной неприкосновенности (жалобы 48041, 74882,74883).

«... содержание под стражей является "произвольным" в том случае, если, несмотря на соблюдение буквы национального закона, публичные власти действовали недобросовестно или ввели заинтересованное лицо в заблуждение (...). Условие отсутствия произвола также требует, чтобы как решение о заключении лица под стражу, так и его выполнение действительно отвечали *цели* ограничений, предусмотренных соответствующими подпунктами пункта 1 статьи 5 Конвенции (...). Кроме того, между *основанием* для разрешенного лишения свободы и *местом* и *условиями содержания* под стражей *должна существовать определенная связь* (...) (§ 69 Постановления от 29.01.08 г. по делу «Саади против Соединенного Королевства»). Понятие "произвол" в контексте **подпунктов "b", "d" и "e"** также включает в себя **оценку того, было ли содержание под стражей необходимо для достижения заявленной цели.** Содержание под стражей является настолько серьезной мерой, что может быть оправдано только в крайнем случае, когда другие, менее жесткие меры **рассматривались и были признаны недостаточными** для обеспечения личных или общественных интересов, которые могут потребовать заключения соответствующего лица под стражу (...). Кроме того, **принцип соразмерности требует**, чтобы в ситуации, когда содержание под стражей призвано обеспечить исполнение предусмотренной законом обязанности с **соблюдением баланса** между важностью в демократическом обществе обеспечения незамедлительного исполнения такой обязанности и важностью права на свободу (...). При установлении такого баланса **важным фактором является продолжительность содержания под стражей (...)**» (§ 70 там же).

В сентябре 2017 предварительное расследование было закончено и ссылаясь властям на то, что «основания не отпали» для содержания заявителя под стражей можно только на основании того же произвола, на основании которого Бохонов был изначально помещен под стражу.

При этом необходимо иметь в виду, что «... соблюдение национального законодательства не является достаточным: пункт 1 статьи 5 Конвенции дополнительно требует, чтобы **любое** лишение свободы учитывало цель защиты лица от произвола (...). **Фундаментальным принципом** является то, что произвольное заключение под стражу не может быть совместимо с пунктом 1 статьи 5 Конвенции, и понятие "произвол" в контексте пункта 1 статьи 5 Конвенции не сводится к несоответствию национальному законодательству, таким образом, лишение свободы может быть законным с точки зрения национального законодательства, но оставаться **произвольным** и, следовательно, **противоречащим Конвенции**» (§ 161 Постановления от 18.04.13 г. по делу «Азимов против РФ»).

На реплику Бохонова о том, что он отбыл наказание в виде максимального срока ареста до 6 месяцев, судья Щелковского горсуда Бибилова при пособничестве **помощника** прокурора и адвоката 20.10.17 г. «разъяснила», что арест – это вид наказания, а содержание под стражей в изоляторе до вынесения приговора – это не наказание, поэтому заявитель неправильно трактует нормы национального законодательства. То есть российские суды не считают помещение под стражу исключительной мерой в связи с ограничением права на свободу, неприкосновенность личности, тайну переписки и личной жизни, а потому понятие «арест» толкуют **широко и безответственно** его применяют. **При этом доводы стороны защиты в выносимых решениях не отражают и их не рассматривают.** Мало того, они **отказываются** применять Конвенцию, несмотря на то, что она является составной частью законодательства РФ, имеет большую юридическую силу по сравнению с национальным законодательством ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, ч. 3 ст. 1 УПК РФ, абзац 4 п. 2 мот. части Постановления КС № 1-П от 19.01.17 г.) и должна применяться непосредственно (§ 66, 67 Постановления от 15.07.82 г. по делу «Экле против Германии», абзац 3 п. 2.1 мот. части Постановления КС № 13-П от 29.06.04 г., абзац 3 п. 1.2 мот. части Постановления КС № 2-П от 05.02.07 г. и др.). От российских правоприменителей **невозможно** добиться указания причин, по которым они

отказываются исполнять те нормы права, на которые ссылается сторона защиты, чем они как злоупотребляют правом, что запрещено ст. 17 Конвенции, так и подвергают сторону защиты бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, что запрещено ст. 3 Конвенции, поскольку **сторона защиты находится в полной власти** российских правоприменителей и описываемый **произвол**, то есть циничное поправление подлежащих применению норм права, направлен на то, чтоб вызвать чувство беспомощности и отказа от **любого** вида сопротивления. Многочисленные удаления Бохонова и стороны защиты **только** за то, что они **требовали соблюдения подлежащих применению норм права**, является наглядным доказательством правомерности и достоверности излагаемой позиции (приложения 62, 63).

Также, «... квалификация или отсутствие квалификации со стороны государства фактической ситуации не может решающим образом повлиять на его вывод о наличии лишения свободы (...). Таким образом, **тот факт**, что Московский городской суд и государство-ответчик **полагали, что заявители не были "задержаны" в значении законодательства Российской Федерации, не означает автоматически, что заявители не были лишены свободы с точки зрения Конвенции**» (§ 37 Постановления от 26.06.14 г. по делу «Крупко и другие против РФ»).

2. Нарушение § 1 "с" статьи 5 Конвенции во взаимосвязи со статьями 3, 17 Конвенции

Обоснованность подозрения не проверялась ни Ногинским судом, ни Московским областным судом, ни Щелковским судом, хотя предварительное расследование было окончено к 31.08.2017. Следовательно, судам были доступны материалы уголовного дела, которые ранее суды не истребовали, ссылаясь на тайну следствия. Однако в любом случае **доводы стороны защиты в выносимых решениях не отражались и не рассматривались.**

«Это, однако, не влияет на выводы Суда в связи с настоящей жалобой, поскольку **в настоящем деле он призван рассмотреть вопрос, было ли лишение свободы заявителя на досудебной стадии оправдано на основании информации или фактов, доступных в соответствующее время.** В этой связи, принимая во внимание приведенные выше аргументы, Суд приходит к выводу, что имеющиеся в его распоряжении материалы не отвечают минимальным стандартам, установленным статьей 5 § 1 (с) Конвенции в отношении обоснованности подозрений, требуемой для

задержания лица и его длительного содержания под стражей. Соответственно, в течение периода, рассматриваемого Судом в настоящем деле, **заявитель был лишен свободы в отсутствие «обоснованного подозрения» в совершении им уголовного преступления.** (§ 133 Постановления ЕСПЧ от 17.03.16 г. по делу «Расул Джафаров против Азербайджана»).

При этом в Ногинском суде 26.09.2017 Бохонов приводил многочисленные аргументы в обоснование необоснованности подозрения и ссылался на конкретные доказательства фальсификации постановления о возбуждении уголовного дела с нарушением процедуры, предусмотренной статьями 144, 145 УПК РФ. **Его доводы в решении отражены не были и, соответственно, остались без рассмотрения.**

В Московском областном суде 13.10.2017 Бохонов был лишен судьей права участия в заседании, поскольку он отключил видеоконференцсвязь за возражения Бохонова на неправомерные действия судьи, хотя право на возражение Бохонову гарантировано ч. 3 ст. 243 УПК РФ. Поэтому то, что делалось в заседании, Бохонову было неизвестно, протоколов ему не вручают, доводы в выносимых решениях не отражают и не рассматривают.

В Щелковском горсуде 20.10.2017 вопрос обоснованности подозрения суд отказался рассматривать, сославшись на предыдущие судебные решения, которыми якобы обоснованность подозрения проверялась. Важно отметить, что **впервые** уголовное дело при рассмотрении вопроса содержания под стражей имелось у суда в полном объёме, а значит, только в этом судебном заседании суд и мог проверить обоснованность подозрения, поскольку ранее сторона обвинения отбирала отдельные документы для суда, скрывая основные доказательства, свидетельствующие в пользу обвиняемого. Основные доказательства (видеозаписи обстоятельств в полиции 28.09.16 г.) судом не исследовались и не оценивались. Доводы стороны защиты в вынесенном решении не отражены и не рассмотрены. Судья Бибилова, систематически создавала конфликты интересов, когда препятствовала стороне защиты ознакомиться с видеозаписями на стадии предварительного следствия при рассмотрении жалоб на незаконность возбуждения уголовного дела, так препятствует в их ознакомлении и теперь, что свидетельствует о её прямой заинтересованности в исходе дела (ч. 2 ст. 25 УК РФ, ч. 2 ст. 61, ст. 62 УПК РФ) и **объективно** доказывает наличие основания для **безусловного** её отвода в силу

п. 1 ст. 6 Конвенции, §§ 49, 51 Постановления от 08.02.2000 г. по делу «МакГоннелл (McGonnell) против Соединенного Королевства», § 45 Постановления от 06.06.2000 г. по делу «Морель против Франции».

При исследовании судом материалов уголовного дела для проверки обоснованности подозрения, он бы установил отсутствие «фактов и информации, которые могли бы убедить объективного наблюдателя в том, что соответствующее лицо могло совершить преступление. Какие подозрения можно считать «обоснованными», зависит от всех обстоятельств дела» (§ 114 Джафаров выше) (приложения 27, 64, 65).

А обстоятельства дела указывали, что все видеозаписи отдела полиции в день совершения якобы преступления **уничтожены полицейскими**, причем самим «потерпевшим» Бытко и его свидетелем Ирихиным, который на тот момент выполнял обязанности начальника отдела полиции. Также материалы дела указывали, что прокурорский «надзор» с момента возбуждения уголовного дела осуществляли свидетели, что делало все уголовное производство недопустимым в силу требований статей 61, 62, 75 УПК РФ. Материалы дела содержали доказательства явной фальсификации постановления о возбуждении уголовного дела и на эти факты Бохонов был готов указать. Но судья пришла к незаконному, а, главное, необъективному решению продлить срок содержания под стражей не на основании документов уголовного дела, а без объяснения своего решения, не представив никакие **«факты или информацию, способные убедить Суд, что арестованное лицо обоснованно подозревается в совершении предполагаемого преступления»** (§ 135 Джафаров выше).

3. Нарушение § 2, § 3 ст. 5 Конвенции во взаимосвязи с нарушением § 3 "а" ст. 6 Конвенции и статей 3, 17 Конвенции.

К судебным заседаниям Бохонову с нарушением права на защиту уже было предъявлено уголовное дело, поэтому он сообщил Ногинскому суду об отсутствии в уголовном деле **фактических и юридических оснований** предъявленного ему обвинения. Суд отказался реагировать на эти факты потому, что был зависим и действовал в интересах Московской областной прокуратуры, инициировавшей заведомо незаконно продление срока содержания под стражей.

Остальные суды действовали аналогично по тем же причинам, игнорируя свои

обязанности отражать в выносимых решениях доводы стороны защиты и рассматривать их.

4. Нарушение § 4 статьи 5 Конвенции во взаимосвязи с нарушением §§ 1, 2, 3 «b» и «с» статьи 6 Конвенции и статей 3, 17 Конвенции.

4.1 Чрезвычайно длительное содержание под стражей

Заявитель к 30.09.2017 находился под стражей (фактически арестом) 6 месяцев и отбыл максимальный срок наказания в виде ареста, предусмотренный ч. 1 ст. 318 УК РФ. Поэтому с учётом того, что к моменту его задержания предварительное расследование уже длилось 6 месяцев, после задержания оно длилось 5 месяцев и после окончания расследования заявителя продолжают удерживать под стражей уже 2 месяца и намерены удерживать ещё 5, то нарушен принцип презумпции невиновности самим фактом длительности содержания под стражей и выбором судами из предусмотренных видов наказания наказание в виде лишения свободы до 5 лет на стадии досудебного разбирательства.

«Чрезвычайно длительное досудебное содержание под стражей также может подрывать принцип презумпции невиновности согласно пункту 2 статьи 14 (...). Лица, которые не освобождаются до суда, должны подлежать суду в возможно кратчайшие сроки, насколько это согласуется с соблюдением их прав на защиту (...). Разумность любых задержек с передачей дела в суд должна определяться обстоятельствами каждого дела с учетом сложности дела, поведения обвиняемого в ходе разбирательства и того, каким образом дело разбиралось в административных и судебных органах (...). Выделение дополнительного времени может оправдываться препятствиями для завершения расследования (...), но не может оправдываться общей нехваткой штатов или бюджетными трудностями (...). Когда задержки становятся необходимыми, судья должен вновь рассмотреть альтернативы досудебному содержанию под стражей (...)... (п. 37 Замечаний общего порядка КПЧ № 35).

4.2 Процедуры апелляционного производства делятся за пределами санкционированного предыдущими судебными решениями сроков содержания под стражей, приводя к несанкционированному содержанию под стражей, поскольку уголовно процессуальный кодекс РФ прямо указывает, что его нарушение приводит к недопустимости доказательств (ч. 1 ст. 75 УПК РФ), а продление истекших

процессуальных сроков производится специальными процедурами и эти процедуры не распространяются на органы государственной власти, которые не должны нарушать процессуальные сроки. В результате апелляционная процедура по обжалованию постановления Ногинского суда от 26.09.2017 была произведена по истечении срока содержания под стражей согласно предыдущему постановлению, установившего срок до 27.09.2017 и заняла **17 суток** при своевременно поданной апелляционной жалобе Бохоновым. Апелляционная процедура по обжалованию постановления Щелковского суда от 20.10.2017 при истечении срока содержания под стражей согласно постановлению Ногинского суда 27.10.2017, естественно, не была завершена к этой дате и не назначена даже на дату подачи данной жалобы, то есть она длится уже **более 19 суток** и это обычная судебная практика, лишившая признаков законности вообще процедуры судебного контроля содержания обвиняемых под стражей. Более того, такая практика влечет нарушение права обвиняемых на независимый и беспристрастный суд, поскольку содержание под стражей инициируется стороной обвинения (следственным комитетом и прокуратурой). Нарушающие закон судьи становятся уязвимыми с точки зрения уголовного закона (несанкционированное содержание под стражей соответствует ответственности по статье 301 УК РФ), теряют свою независимость от следственного комитета и прокуратуры, которые имеют полномочия инициировать процедуры уголовного преследования лиц особого статуса. Поэтому нарушение статьи 5 Конвенции в России носит массовый характер и в этом замешаны и судьи, и прокуроры, и следственный комитет (круговая порука).

«Суд повторяет, что он ранее обнаружил нарушение Статьи 5 § 4 в случаях, когда **апелляционное производство длилось семнадцать (...), двадцать (...), двадцать шесть (...), семь дней (...)**. В данном случае задержка была намного более продолжительной:.. продолжительность рассмотрения апелляции еще слишком велика, чтобы соответствовать требованию «скорейшего»» (§ 33 Постановления ЕСПЧ «Волкова против России» от 13 июня 2017).

Согласно национальному законодательству (частям 3, 4 ст. 7, ст. 75 УПК РФ) и ч. 2 ст. 50 Конституции РФ все судебные постановления, связанные с продлением сроков содержания под стражей, вынесенные по истечении установленного первым судом срока содержания под стражей, являются юридически ничтожными (абзац 13 ст. 12 ГК

РФ). Следовательно, дальнейшее продление юридически ничтожных постановлений, к тому же некомпетентными и прямо заинтересованными судами приводит к нарушению § 1 статьи 5 Конвенции. В данном деле и Ногинский суд, и Московский областной суд, и Щелковский горсуд «продлевали» юридически ничтожные постановления о содержании Бохонова под стражей, поскольку после 28.05.2017 он находился под стражей в нарушение закона (жалоба № 74883).

4.3 Нарушение права на защиту и равноправие сторон

«... разбирательство о законности содержания под стражей в ожидании расследования и судебного разбирательства **должно** быть состязательным и **должно всегда** обеспечивать равенство сторон (...) (§ 36 Постановления от 03.10.17 г. по делу «Медведев против РФ»)

Поскольку аргументы заявителя и его избранных защитников суды не слышали, не воспринимали и не отражали в решениях, а сторона обвинения (прокуроры в судебных заседаниях не выдвигали никаких аргументов и ограничивались общими фразами), то можно говорить, что в нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции, ч.ч. 1, 4 ст. 15, ч. 5 ст. 246 УПК РФ стороне защиты не предоставлялась возможность комментировать доводы стороны обвинения и ставить перед ней вопросы.

«спонтанное продление срока содержания заявителя под стражей не давало ему возможности получить **юридическую помощь по собственному выбору** и выдвинуть **любые доводы против** разрешения на его дальнейшее содержание под стражей. При этом национальный суд не смог обеспечить состязательный характер разбирательства и равенство сторон между сторонами. Таким образом, продление срока содержания заявителя под стражей ... не соответствовало процессуальным требованиям статьи 5 § 4» (§ 37 Медведев выше).

Бохонов лишен возможности судами, прокуратурами, администрациями СИЗО и навязанными адвокатами получать юридическую помощь по своему выбору (от избранных им защитников), а нанимаемые Ивановой для защиты Бохонова адвокаты действуют в своих интересах или интересах властей. Однако давно известно, что «фактическое препятствие может противоречить положениям Конвенции так же, как и правовое препятствие» (§ 25 Постановления ЕСПЧ от 09.10.79 г. по делу "Эйри против Ирландии"), поэтому «формальности, которые фактически препятствуют

потенциальному заявителю эффективно пользоваться своими правами, являются неприемлемыми» (§ 157 Постановления от 15.10.15 г. по делу «Л.М. и другие против России»).

Так, например, нанятый 06.09.2017 адвокат Тюрин не оказал никакой помощи Бохонову до 14.09.2017, а 14.09.2017 он не явился в судебное заседание Московского городского суда на апелляционное обжалование продления срока содержания под стражей. Причем сообщил о намерении расторгнуть соглашение уже во время судебного заседания по телефону. Это повлекло очередное нарушение права Бохонова на защиту, поскольку все документы избранных защитников были оставлены судом без рассмотрения (из-за отсутствия в них рукописной подписи Бохонова при воспрепятствовании Бохонову ознакомиться с ними и лично подать). Полагаем, что поведение адвоката связано с коррупционным характером самого уголовного дела в отношении Бохонова и получив об этом информацию от своего знакомого в ГСУ СК по МО адвокат решил самоустраниться.

Адвокат Притулин, с которым было заключено соглашение после Тюрина, оказался вообще неспособным не только оказывать юридическую помощь, но и выполнять техническую работу в виде передачи документов недопускаемых избранных защитников Бохонову в следственный изолятор своевременно, получать все решения судов и протоколы, направлять подготовленные ему адвокатские запросы. Например, 19.10.2017 он не принес в изолятор Бохонову заготовленные к судебному заседанию на 20.10.2017 документы согласно описи, а принес лишь малую часть из них. Потом он не принес их уже 20.10.2017 к суду. Поручение вести аудиозапись судебных заседаний он выполнил халатно и предоставил Ивановой только вторую часть судебного заседания. Свою беседу с Бохоновым, в которой тот ему высказал свои претензии, он стер с диктофона и скрыл претензии от Ивановой. Апелляционную жалобу на постановление Щелковского суда о принятии уголовного дела к производству с 9.10.2017 он так и не подал, хотя жалобу подготовила Иванова и просила неоднократно это сделать. В результате Бохонов потребовал ему представить эту апелляционную жалобу 20.10.2017, когда увидел её в описи документов, которые Иванова приготовила для Бохонова и передала через Притулина. Притулин был вынужден её распечатать прямо в суде и вручить Бохонову, после чего он её смог подписать. Но поскольку судья отказалась принимать

апелляционную жалобу, то адвокат Притулин должен был её сдать в канцелярию суда. Проверить её подачу Притулиным Бохонов не мог, так как содержался под конвоем. Однако, никаких действий по апелляционной жалобе судом не производится до сих пор при бездействии Притулина.

Суды принуждают избранных защитников Бохонова оплачивать адвокатов, которые неспособны оказывать надлежащие юридические услуги и которые легко идут на сговор с судами и действуют в их интересах. При этом Бохонов лишен права на выбор защитников без адвокатского ордера, но реально независимых и оказывающих ему защиту. Цель содержания Бохонова под стражей, преследуемая властями, заключалась и продолжает заключаться в воспрепятствовании неограниченно получать помощь от избранных им защитников даже в случае их недопуска, то есть вне судебных заседаний (приложение 35,36,37, 48)

4.4 Нарушение права на беспристрастные суды

Суды, принимавшие решения о содержании Бохонова под стражей, не отвечали требованиям беспристрастности и систематически создавали конфликты интересов. Но в нарушение ч. 2 ст. 3 Закона «О статусе судей в РФ» они не самоотводились и в настоящий момент Щелковский суд препятствует рассмотрению апелляционной жалобы, поданной для изменения подсудности дела, а отводы Щелковскому суду и Московскому областному суду ими не разрешаются: председатели судов уклоняются от вынесения решений по заявленным отводам и препятствуют этим рассмотрению вопроса о содержании под стражей и уголовного дела незаинтересованным судом, то есть непричастном, как минимум, к незаконному длительному уголовному преследованию, к незаконному помещению под стражу, к нарушению многочисленных конвенционных прав Бохонова в рамках уголовного производства, не соучаствующему в укрывательстве злоупотреблений и преступлений должностных лиц, совершенных в отношении Бохонова (приложения 18, 31,32, 34,37, 61,62)

«Таким образом, в некоторых делах, где сложно получить доказательства, которые опровергали бы презумпцию субъективной беспристрастности судьи, требование наличия **объективной** беспристрастности предоставляет дополнительную важную гарантию (...) (§ 75 Постановления от 23.04.15 г. по делу «Морис против Франции»)». В связи с этим даже проявления могут иметь определенную значимость или, иными словами, "справедливость должна не только вершиться, должно быть

также **видно**, как она вершится" (...). Речь идет об уверенности, которую суды в демократическом обществе должны вызывать у общественности. Так, любой судья, в отношении которого имеется разумное основание опасаться недостаточной беспристрастности с его стороны, должен быть отозван от участия в деле (...)» (§ 78 там же).

Дела Бохонова рассматриваются судами, создавшими незаконную **практику** помещения под стражу и продления сроков содержания под стражей и эта практика препятствует судам признать **свои же** массовые и **системные** нарушения. Поэтому судами выносятся идентичные постановления, которые все нарушают и национальное законодательство, и Конвенцию.

«Беспристрастность означает отсутствие предубеждений или предвзятости... **любой судья, в отношении которого есть законная причина опасаться отсутствия беспристрастности, должен быть отозван** (§ 131 Постановления от 20.11.12 г. по делу «Гарабин против Словакии»). Необходимо также учитывать вопросы внутренней организации. Важным фактором является наличие национальных процедур обеспечения беспристрастности, а именно правил, регулирующих отвод судей. Такие **правила** отражают озабоченность национального законодательного органа устранением **всех разумных сомнений** относительно беспристрастности судьи или соответствующего суда и представляют собой попытку обеспечить беспристрастность путем устранения причин таких проблем. В дополнение к отсутствию фактической предвзятости, они направлены на устранение **любого** проявления пристрастности и, таким образом, способствуют укреплению доверия, которое суды **должны** внушать общественности (§ 132 там же). **Миссия судебной власти в демократическом государстве состоит в том, чтобы гарантировать само существование верховенства закона...** (§ 133 там же)... Только после ответа на аргументы сторон и установления, оправданы ли отводы судьям, может возникнуть вопрос о том, есть ли необходимость и оправдание для того, чтобы не исключать ни одного из судей (§ 139 там же)... в отношении предполагаемого отсутствия беспристрастности Конституционный суд не смог убедительно рассеять сомнения, которые могут быть объективно оправданы (§ 140 там же)... По причинам, изложенным выше, Суд приходит к выводу о том, что в дисциплинарном разбирательстве, которое обжаловалось в настоящем деле, право

заявителя на слушание беспристрастным судом не соблюдалось. Таким образом, имело место нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции в этом отношении» (§ 142 там же).

Поскольку отводы судам просто не рассматриваются, то нет и ответов на аргументы, сомнения не рассеяны, имеются объективные основания для отвода, а значит, нарушен и нарушается § 1 ст. 6 Конвенции, так как «это само по себе сомнение, сколь бы незначительным оно ни оправдалось, является **достаточным**, чтобы усугубить беспристрастность ... суда, и поэтому Суд не должен рассматривать другие аспекты жалобы (§ 57 Постановления от 08.02.2000 г. по делу «МакГоннелл (McGonnell) против Соединенного Королевства»)). Из этого следует, что имело место нарушение Статьи 6 § 1» (§ 58 там же).

То есть, рассмотрение дела пристрастным и заинтересованным судом в любом случае нарушает право на справедливое судебное разбирательство и влечет пересмотр его решений. Следовательно, нахождение под стражей заявителя уже в течение года и намерения его содержать под стражей этими же судами еще 6 месяцев свидетельствует о допущенном нарушении ст. 5 Конвенции и **планируемом** властями нарушении.

При этом обращаем внимание, что власти уведомлены о подаче нами жалоб в ЕСПЧ на нарушения Конвенции и сами жалобы представлены в качестве доказательств при рассмотрении вопроса содержания под стражей. Однако, ответов на наши аргументы, основанные на Конвенции, власти не дают, нарушение Конвенции продолжается.

5. Нарушение § 1 статьи 7 Конвенции во взаимосвязи с § 4 ст. 5 Конвенции и статей 3, 17 Конвенции..

Законом чётко определены виды наказаний за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 318 УК РФ. Поскольку Бохонов на досудебной стадии отбыл предусмотренный вид наказания, то суды не должны толковать уголовное право в **ущерб обвиняемому**.

«Суд повторяет, что в соответствии со своим прецедентным правом статья 7 воплощает, среди прочего, принцип, согласно которому **только закон** может определять преступление и **назначать наказание** (nullum crimen, nulla poena sine lege). Хотя он запрещает, в частности, распространять сферу действия существующих преступлений на действия, которые ранее не были уголовными преступлениями, он

также устанавливает принцип, согласно которому **уголовное право не должно толковаться в ущерб обвиняемому**, например, по аналогии. Из этого следует, что правонарушения и **соответствующие санкции должны быть четко** определены законом.» (§ 145 Постановления от 22.06.2000 г. по делу «Коэме (Соёте) и другие против Бельгии»).

В деле Бохонова суды, прокуроры и адвокаты соответствующие санкции ст. 318 УК РФ толкуют как позволяющие нарушать **принцип презумпции невиновности** и этим содержать под стражей обвиняемого **за пределами максимального срока одного из видов наказания** и выбирать один из видов наказания ещё до судебного разбирательства, что не имеет никакого отношения к Конвенции.

Фактически суды отменили все виды наказаний за исключением лишения свободы уже на досудебной стадии. При этом они **отказываются** объяснять в каких условиях осуществляется отбытие наказания в виде ареста и в каких условиях осуществляется арест в виде содержания под стражей. В результате фактический арест в виде содержания под стражей может многократно применяться как арест в виде наказания, что **запрещено** как статьёй 7 Конвенции, так и ч. 1 ст. 50 Конституции РФ. То есть жертва может многократно осуждаться за одно и то же преступление.

Сам факт того, что Бохонов **отбыл** наказание в виде ареста за преступление, которое он не совершал и которого не было вообще, доказывает лишение права на юридическую помощь как со стороны откровенно преступными способами назначенных в нарушение части 2 статьи 16 УПК РФ адвокатов, так и теми адвокатами, которых власти **принуждали** представителей Бохонова нанимать. То есть нарушение права на защиту непосредственно связано с нарушением права не подвергаться наказанию, не основанному на законе.

«... Говоря о «законе», статья 7 ссылается на ту же концепцию, что и Конвенция, в которой упоминается в других местах при использовании этого термина, концепция, которая включает статутное право, а также прецедентное право, и подразумевает качественные требования, в том числе касающиеся доступности и предсказуемости (...). Суд должен убедиться в том, что в то время, когда обвиняемое лицо совершило акт, который привел к его преследованию и осуждению, существовало юридическое положение, в соответствии с которым этот акт был наказуемым **и что наложенное наказание не превышало пределов, установленных этим положением** (...).

Поскольку **термин «штраф» является автономным** по своему охвату, **чтобы обеспечить защиту, обеспечиваемую статьей 7**, Суд должен оставаться свободным, чтобы идти за внешними признаками и оценивать для себя, **является ли конкретная мера по существу «штрафом» по смыслу этого положения (...)**. Хотя текст Конвенции является отправной точкой для такой оценки, Суд может иметь основания основывать свои выводы на других источниках, таких как подготовительные материалы. Принимая во внимание цель Конвенции, которая заключается в защите прав, которые являются практичными и эффективными, она может также учитывать необходимость сохранения баланса между общими интересами и основными правами отдельных лиц и представлениями, которые в настоящее время преобладают в демократических государствах (...)» (§ 145 Коэме выше).

29.09.2017 Ногинский суд, 13.10.2017 Московский областной суд, 20.10.2017 Щелковский горсуд проявили свою несвободу при разрешении дела Бохонова по вопросу содержания под стражей, заявив, что власти России не намерены применять наказание в виде штрафа или ареста, а **только** наказание в виде лишения свободы. Причем это наказание будет зависеть не от того имело ли место событие преступления, имелась ли причастность и вина Бохонова, а **только от срока его нахождения под стражей до приговора суда, чтобы срок содержания под стражей зачесть в срок лишения свободы.**

Например, в сентябре 2017 навязанный с нарушением ч. 2 ст. 16 УПК РФ адвокат Фесенко при ознакомлении с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ «советовал» Бохонову признать вину и за 1 судебное заседание «решить вопрос», после чего он выйдет на свободу с зачетом отсуженного. Бохонов отказался себя оговаривать. Поэтому он находится под стражей ещё 2 месяца и будет находиться 5 месяцев, если Европейский суд не вмешается.

Нанятый Ивановой адвокат для Бохонова Притулин посетил судью Щелковского горсуда Бибикову в октябре 2017 и в личной беседе она ему сообщила, что вынесет приговор и освободит Бохонова с учетом отбытого в следственном изоляторе лишения свободы (**фактически ареста**) (приложение 48).

Таким образом, наказание в деле Бохонова уже определено и об этом властями объявлено на досудебной стадии и оно будет зависеть не от закона, а от

длительности судебного производства, результат которого судье заведомо известен еще до исследования доказательств по уголовному делу, что лишний раз доказывает отсутствие **объективной** беспристрастности.

Также следует сделать вывод из обстоятельств дела, что содержание под стражей применяется в качестве принуждения Бохонова к признанию своей вины: чем быстрее признает вину, тем быстрее окажется на свободе. Эту позицию властей озвучивали и следователь Нагасов, и адвокаты Фесенко с Притулиным.

«Кроме того, досудебное содержание под стражей должно применяться не на основе возможного приговора за вменяемое преступное деяние, а на основе определения необходимости в этой мере пресечения. Суды **должны** рассматривать вопрос о том, позволят ли **альтернативы** досудебному содержанию под стражей, такие как залог, **электронные браслеты** или другие условия, устранить необходимость в содержании под стражей в данном конкретном случае (...). Если обвинение предъявлено иностранцу, то этот факт не должен рассматриваться как достаточное основание считать, что обвиняемый может скрыться от правосудия (...). После принятия первоначального решения о необходимости применения досудебного содержания под стражей следует периодически возвращаться к этому вопросу на предмет установления, остается ли оно по-прежнему **обоснованным** и **необходимым** в свете возможных **альтернатив** (...)» (п. 38 Замечаний КПЧ общего порядка № 35).

Никакие альтернативы власти не применяют именно потому, что цели помещения Бохонова под стражу незаконные и альтернативные меры не позволят принуждать Бохонова к самооговору, используя для этого его изоляцию и психологические пытки, ограничить информированность общественности о ходе судебного производства, ограничить его права на защиту избранными им защитниками, ограничить его в технических средствах для подготовки к суду и своей защите.

«Если продолжительность содержания обвиняемого под стражей до суда достигает максимального срока наказания, предусмотренного за вменяемые ему преступления, обвиняемый подлежит немедленному освобождению...» (п. 38 Замечаний).

«... в области прав человека тот, кому положено больше, не должен принуждаться

получить меньше». (§ 53 Постановления от 27.02.80 г. по делу «Девеер против Бельгии»).

Власти **отказываются** применять изложенные позиции Европейского суда и КПЧ в отношении Бохонова, который отбыл максимальный срок предусмотренного частью 1 статьи 318 УК **наказания в виде ареста**, утверждая, что:

- его нахождение под стражей в течение 7 месяцев не было арестом, поскольку он лишился свободы не на основании приговора, хотя Бохонов арестован и по смыслу российского законодательства, и по смыслу ст. 5 Конвенции, ст. 9 Пакта;

- ему **будет** назначено наказание в виде лишения свободы и никакое иное.

Итак, российские судьи, прокуроры и адвокаты лишение свободы в следственном изоляторе не считают наказанием, примененным к обвиняемому до приговора суда и наделяют себя правом предвидеть вид наказания до рассмотрения дела в суде, то есть толкуют нормы права «широко и непредсказуемо в ущерб обвиняемому».

«Кроме того, в соответствии с его общим подходом Суд не ставит под сомнение толкование и применение национального законодательства национальными судами, **если не было вопиющего несоблюдения или произвола в применении этого закона** (§ 57 Постановление Навальный против России 17 октября 2017) ... судебная оценка в этом случае является произвольной и нарушает пункт 1 статьи 6 Конвенции» (§ 82 там же)

6. Нарушение статьи 8 Конвенции в связи с нарушением статей 3, 17 Конвенции.

Произвольное помещение и удержание Бохонова под стражей нарушило его право на уважение частной и семейной жизни, поскольку он лишился возможности общения со своими престарелыми родителями, с которыми он в основном проживал в г. Волжском Волгоградской области. Поскольку содержание под стражей имело место не по месту его основного проживания, а в г. Ногинске Московской области, то он лишен возможности систематического посещения его родственниками в следственном изоляторе по причине удаленности и их малоимущего состояния.

При решении вопроса содержания Бохонова под стражей суды никогда не принимали во внимание наличие у Бохонова несовершеннолетнего ребёнка. Лишив его возможности получать доходы, они лишили и возможности платить алименты на содержание ребенка, что теперь ему ставится в вину (приложение 2).

Перед возбуждением уголовного дела в отношении заявителя он отстаивал свои права на частную и семейную жизнь в судебных и административных органах, которые нарушались незаконным ограничением его в правах на общение с несовершеннолетней дочерью после развода с женой. В частности, он боролся за равенство прав в общении с ребенком, поскольку ограничение в свиданиях привело к отчуждению ребенка от отца. Незаконное возбуждение уголовного дела повлекло сначала подписку о невыезде из Московской области, а затем арест, который длится уже 8-ой месяц и продлен до 29.03.2018 (приложение 2).

То есть, власти препятствуют Бохонову реализовывать свое право на личную и семейную жизнь в части общения с несовершеннолетним ребёнком, причем, впоследствии эти нарушения могут быть неисправимыми и отношения с ребёнком утрачены навсегда с учётом негативного влияния со стороны бывшей жены и её родственников.

Заявитель считает, что следствием нарушения статьи 5 Конвенции явилось вмешательство властей в уважение его частной и семейной жизни и нарушение ст. 8 Конвенции.

7. Нарушение ст. 10 Конвенции в связи с нарушением ст. 5, § 1 ст. 6, § 3 «b» ст. 6 Конвенции и статей 3, 17 Конвенции.

Право на мнение систематически нарушается судами во всех судебных процессах, поскольку оно игнорируется, в решениях судов не отражается и не рассматривается.

Бохонов ограничен властями в праве сообщать информацию о себе избранным им защитникам, общественному движению.

Бохонову и его защитникам не выдаются запрашиваемые судебные акты, протоколы судебных заседаний по вопросам содержания под стражей, что препятствует их направлению в ЕСПЧ и обжалованию в вышестоящие инстанции.

Бохонову после окончания предварительного расследования препятствуется в ознакомлении с материалами уголовного дела с участием избранных защитников, в том числе, адвокатов по соглашению: в частности, скрываются все видеозаписи, имеющиеся в уголовном деле, в том числе и от защитников. Сначала их сокрытием занимались следователи, а теперь суд препятствует их копированию (уже 2 месяца).

Лишение Бохонова свободы используется для воспрепятствования праву, защищаемому п. 1 ст. 6, п. 3 «b» ст. 6 Конвенции, п.п. 12, 13 ч. 4 ст. 47, п. 7 ч. 3 ст. 53 УПК РФ, поскольку последнее время все ходатайства стороны защиты и их требования оставлены без рассмотрения.

06.11.2017 Бохонов начал **голодовку**, протестуя против нарушения права на допуск избранных защитников и права на ознакомления с материалами уголовного дела в полном объеме вместе с защитниками.

8. Нарушение ст. 10 Конвенции в связи с нарушением §§ 3 «b» и «с» ст. 6 Конвенции, ст. 3, 14, 17 Конвенции.

Право на получение информации для своей защиты в условиях содержания в СИЗО нарушалось и продолжает нарушаться. Заявитель не имеет возможности самостоятельно получать необходимую правовую информацию с помощью правовой литературы, интернета (в СИЗО ему предоставили только УПК и УК в виде книг), а также он не может получить эту информацию от избранных защитников, от общественного движения, поскольку суды, прокуратуры, следственный орган, следственный изолятор и навязываемые адвокаты – все скрывают от Бохонова направляемые ему документы правового характера. Таким образом, имеет место неправомерное вмешательство властей в право на получение информации и достаточные время и возможности для своей защиты в условиях ареста, что является дискриминацией в правах по отношению к неарестованным обвиняемым. Мало того, это является доказательством того, что само право на достаточные время и возможности для подготовки к своей защите и **порядок осуществления этого права** никем из правоприменителей не разъяснялись и, соответственно, не обеспечивалось и не обеспечивается.

9. Нарушение статьи 13 Конвенции в связи с нарушением статей 3, 17 Конвенции

Также следует обратить внимание на то, что российские правоприменители абсолютно **отменили** право на эффективные средства правовой защиты, гарантированные ст. 13 Конвенции, поскольку об этих средствах в нарушение ч. 2 ст. 16, п. 21 ч. 4 ст. 49 УПК РФ нигде и никогда никто не упоминал, хотя «заявитель **должен** иметь нормальный доступ к имеющимся и достаточным средствам правовой защиты, чтобы получить возмещение за нарушения, которые, как он полагает, имели

место. Такие средства правовой защиты должны быть достаточно определенными не только в теории, но и на практике, в противном случае они не обладают требуемой доступностью и эффективностью. Ничто не обязывает обращаться к средствам правовой защиты, которые не являются достаточными и эффективными» (§ 41 Решения от 02.09.98 г. по делу «Эркало против Нидерландов») и «заявитель при этом не должен сталкиваться с неадекватными и неэффективными методами защиты» (§ 58 Постановления от 27.06.2000 г. по делу «Ильхан против Турции»). В рассматриваемом контексте следует иметь в виду, что «создание препятствий для действенного осуществления права может оказаться равносильным нарушению указанного права, даже если препятствие и носит временный характер. Соответственно, Суд должен был рассмотреть, нарушало ли обнаруженное им препятствие гарантируемое Конвенцией право ...» (§ 26 Постановления от 21.02.75 г. по делу «Голдер против Соединенного Королевства»).

Приведенное доказывает, что в России отсутствуют органы и средства защиты от коррупционных должностных преступлений в полицейском государстве, коим Россия является.

10. Нарушение статьи 18 Конвенции во взаимосвязи с нарушениями статьей 3, 5, 6, 7, 8, 10, 13, 14, 17 Конвенции.

Нарушение статей 3, 5, 6, 7, 8, 10, 13, 14, 17 Конвенции имело и имеет целью скрыть совершенные должностные преступления при фальсификации уголовного дела; заставить Бохонова себя оговорить для освобождения государства от обязанности выплачивать компенсацию за реабилитацию и для сокрытия многочисленных должностных преступлений повязанных коррупционными связями сотрудников правоохранительных органов, судей и адвокатов; воспрепятствовать огласке судебного процесса и обнародованию видеозаписи, сделанной в отделе полиции реальным потерпевшим Петреневым, а также иных видеозаписей, доказывающих лжесвидетельства; воспрепятствовать ему защищаться с помощью избранных защитников во время судебного разбирательства вести аудио и видеозапись заседаний.

Поскольку признание Бохонова невиновным в нападении на полицейского Бытко влечет признание виновным полицейского Бытко в нападении на Петренева, а ложный оговор им Бохонова влечет уголовную ответственность самого Бытко,

которого от уголовной ответственности спасает целая армия должностных лиц, то правовые последствия слишком серьезны для этой «армии». Поэтому «армия» сотрудников правоохранительной системы сознательно нарушает Конвенцию: решения ЕСПЧ ни для кого не повлекут ответственности, а реабилитация Бохонова в связи с незаконным уголовным преследованием должна повлечь уголовную ответственность причастных должностных лиц, хотя бы полицейских. При этом в дело уже вовлечены **десятки** судей, прокуроров, следователей и адвокатов, которые могут отказаться на скамье подсудимых **в случае соблюдения законности** по делу Бохонова-Петренева.

«Суд пришел к выводу, что стандарт доказывания был удовлетворен, потому что совокупность соответствующих фактов в этом деле ясно показывала, что **фактической**

целью принятых властями мер было **заставить** заявителя молчать, а также наказать его за критику правительства и попытки **распространять достоверную**, по его мнению, информацию, которую правительство пыталось **утаить** (§ 154 Джафаров выше)... В свете этих соображений, Суд приходит к выводу, что свобода заявителя была ограничена с иной целью, нежели его доставка в компетентный судебный орган по обоснованному подозрению в совершении преступления, как это предусмотрено статьей 5 § 1 (с) Конвенции. Суд считает это достаточным основанием для установления нарушения статьи 18 Конвенции в совокупности со статьей 5» (§ 162 Джафаров выше).

11. Нарушение статьи 34 Конвенции в связи с нарушением статей 3, 17 Конвенции

Заявитель подал многочисленные ходатайства в суд, прокуратуру, требуя допуска защитников, в том числе, для взаимодействия с ЕСПЧ, получения документов в судах для направления в ЕСПЧ. Его ходатайства и жалобы игнорируются. Так, 01.11.2017 Щелковский суд в очередном заседании - «предварительном слушании» - незаконно отказался разрешать ходатайства о допуске всех заявленных защитников и представителя для обращения в ЕСПЧ (приложение). Это толкнуло Бохонова на объявление **голодовки в знак протеста**

против нарушения права на защиту, в том числе, в международном суде
(приложения 39, 42, 48, 62)

«Тот факт, что лицо смогло добиться рассмотрения своей жалобы, не препятствует возникновению проблем в соответствии со статьей 34. **Если действия Правительства затрудняют осуществление лицом его права на подачу жалобы, это равносильно «вмешательству» в его права в соответствии со статьей 34 (...).** Намерения или причины, лежащие в основе действия или бездействия, о котором идет речь, имеют мало значения для рассмотрения вопроса о соответствии статье 34 Конвенции; важно то, соответствует ли ситуация, возникшая в результате действия или бездействия властей, статье 34 (...). Кроме того, Суд должен оценить уязвимость заявителя и риск попадания его под влияние властей. Положение заявителя может быть особенно уязвимым, если он содержится под стражей с ограниченными контактами с семьей и внешним миром» (§ 178 Джафаров выше).